

A woman with long, wavy blonde hair is crouching on a dark, textured surface. She is wearing a bright red, off-the-shoulder, long-sleeved mini dress. She is looking back over her right shoulder towards the camera with a slight smile. The background is dark and out of focus, with some warm, bokeh light spots.

Александр Эрот

*Развратная
училка
французского*

18+

Александр Эрот

Развратная училка французского

<https://litres.ru/74445389>

SelfPub; 2026

Аннотация

Французский язык создан для того, чтобы говорить о желании. Но девятнадцатилетний Максим, дерзкий и избалованный мальчик из столичной элиты, считал его лишь скучной повинностью. До тех пор, пока я не решила навсегда изменить расписание наших занятий.

Я приходила в его роскошную квартиру на Патриарших как строгий репетитор, но за фасадом приличий скрывалась хищная, пульсирующая жажда. Его совершенная юность и первобытная, еще не осознанная мужская грация требовали искусной огранки. И я решила преподавать ему урок, которого нет ни в одном словаре.

Словари и тетради полетели на пол, уступив место языку власти и подчинения. Из высокомерного юнца я вылепила мужчину, познавшего бездну, чтобы в итоге самой с восторгом покориться его пробудившейся страсти.

Это не просто история соблазнения. Это откровенный гимн Эросу, где стирается разница в возрасте, а плотское желание возводится в ранг высокого искусства.

Добро пожаловать на первый урок. Оставьте мораль за порогом.

Александр Эрот

Развратная училка французского

С того момента как я стала репетитором по французскому у этого московского 19-летнего красавца, он не покидал моих фантазий, и я решила воплотить их в реальность.

Его юность была пугающей в своей совершенной, хищной грации. Максим — так его звали — принадлежал к тому новому поколению столичных парней, которые носят оверсайз с небрежностью римских патрициев, пахнут черным кофе, и смотрят на мир с той смесью дерзости и скуки, которую так легко разбить вдребезги правильным прикосновением.

Французский язык создан для того, чтобы говорить о желании, но для Максима он пока оставался лишь набором сложных звуков. Каждое наше занятие превращалось в изощренную пытку. Мы сидели за широким дубовым столом в его просторной квартире на Патриарших. Я наблюдала, как он хмурится, пытаясь произнести грассирующее «r», как его губы — полные, чуть упрямые, еще не утратившие мягкости отрочества — складываются в трубочку, чтобы выговорить непокорное французское «u». В эти моменты мне стоило колоссальных усилий не податься вперед и не прокусить эту чувственную нижнюю губу.

Но сегодня я пришла не для того, чтобы учить его правилам чтения.

Я выбрала платье из тонкого шелка, которое струилось по телу, как вода, и не надевала под него белья. Лишь капля тяжелых, мускусных духов на ключицах — невидимая сеть, заброшенная в ожидании добычи.

— Je veux, — медленно произнесла я, отодвигая его тетрадь в сторону. — Я хочу. Теперь ты, Максим. Проспрягай глагол vouloir.

Он вздохнул, откинув со лба темную прядь, и посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то новое — он уловил перемену в моем тоне. Воздух, между нами, вдруг стал плотным, наэлектризованным.

— Tu veux, — послушно начал он, но его голос дрогнул, став на октаву ниже. — Ты хочешь.

— Правильно, — прошептала я.

Вместо того чтобы сидеть напротив, я встала, медленно обошла стол и остановилась прямо за его спиной. Мои пальцы, холодные от волнения, едва ощутимо коснулись его шеи, скользнули по линии челюсти. Я почувствовала, как под тонкой кожей бешено забился его пульс. Мальчик перестал дышать.

Я наклонилась так близко, что мои губы почти касались его уха, а шелк платья дотронулся его кожи.

— А теперь скажи мне, Максим, по-французски или по-русски... — я провела ногтем по напряженной мышце на его

груди, чувствуя жар его молодого тела через тонкий хлопок футболки. — Чего хочешь ты?

Его молчание было красноречивее любых слов. Оно вибрировало в воздухе, густое и тяжелое, как патока. Максим медленно поднял голову и запрокинул ее, встречаясь со мной взглядом. В его темных глазах, еще минуту назад выражавших лишь скуку избалованного столичного мальчика, теперь полыхал первобытный, ничем не прикрытый голод.

— Я... — его голос сорвался, превратившись в шепот. — Я хочу, чтобы вы не останавливались.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри меня распускается тяжелый, горячий цветок торжества. Власть — это самый сильный афродизиак, а власть... над юностью — особенно. В этом признании, вырвавшемся из него с такой отчаянной, почти мучительной искренностью, я услышала капитуляцию. Все его напускное безразличие, вся столичная броня растаяли, оставив лишь дрожащее, обнаженное желание.

Я медленно обошла его кресло и встала прямо перед ним. Мои руки легли на его плечи, большие пальцы нащупали напряженные мышцы под тонким хлопком футболки.

— *Lève-toi*, — мягко, но властно приказала я. Встань.

Максим повиновался. Когда он поднялся, оказалось, что он выше меня. Но сейчас рост не имел значения; в невидимой иерархии этой комнаты я была абсолютной жрицей, а он — моим неофитом. Его грудь тяжело вздымалась, дыхание обжигало мне лицо. Я смотрела в его глаза — темные, рас-

ширенные, поглощающие свет осеннего московского вечера, льющегося из панорамных окон.

Я подняла руку и кончиками пальцев очертила линию его губ. Они приоткрылись, ловя мой палец, и я почувствовала влажный, горячий бархат его языка. Этот невинный, инстинктивный жест пронзил меня острой, сладкой судорогой, отдавшись тяжестью вниз живота.

— Ты знаешь, Максим, — мой голос звучал как низкое мурлыканье, — во французском языке есть выражение *l'abandon*. Оно означает не просто сдачу. Это полное, безоговорочное растворение в моменте, отказ от контроля. Ты готов к этому?

Он не ответил. Вместо слов он подался вперед и накрыл мои губы своими. В этом поцелуе не было опыта — лишь дикая, неистовая жажда. Он целовал меня так, словно умирал от жажды, а я была единственным источником воды в пустыне. Его руки неуверенно, но жадно легли на мою талию, сменяя тонкий шелк платья.

Я ответила на поцелуй, позволяя ему на секунду поверить, что он ведет, но затем мягко перехватила инициативу. Я прикусила его нижнюю губу — ту самую, о которой мечтала последние недели, — наслаждаясь его коротким, сбитым вздохом, а затем углубила поцелуй, сплетая наши языки в медленном, чувственном танце. Я учила его ритму. Не спешить. Смаковать.

Мои руки скользнули под его футболку. Кожа Максима

была гладкой, горячей и упругой, как натянутый барабан. Я провела ногтями по его позвоночнику, заставив его выгнуться навстречу мне. Одним плавным движением я стянула футболку через его голову и отбросила в сторону.

Он был прекрасен той безупречной, скульптурной красотой, которая присуща только юности. Широкие плечи, рельефная грудь, кубики пресса, над которыми еще не властно время и излишества. Я смотрела на него глазами эстета и женщины, предвкушающей трапезу.

— Ты дрожишь, — прошептала я, целуя его в яремную впадинку, чувствуя, как там бьется жизнь.

— Это из-за вас, — хрипло выдохнул он. Его ладони скользнули по моей спине, вниз, к бедрам. Шелк моего платья был единственной преградой, между нами.

Когда его пальцы ощутили, что под тканью нет белья, он замер. Я видела, как осознание этого факта бьет по его нервам электрическим разрядом.

— Enlève-la, — прошептала я, отступая на шаг. Сними его.

Его руки слегка тряслись, когда он потянулся к бретелькам моего платья. Это было похоже на священнодействие. Тонкие полоски ткани соскользнули с моих плеч, и изумрудный шелк, издав тихий шорох, похожий на вздох, стек по моему телу, упав лужей к моим ногам.

Я осталась перед ним абсолютно обнаженной. В его взгляде читалось благоговение пополам с животным голодом. Мое

тело, зрелое, знающее толк в наслаждениях, изгибистое и налитое соками, разительно контрастировало с его угловатой, хищной юностью.

Я взяла его за руку и потянула за собой к массивному дубовому столу, за которым мы только что спрягали глаголы. Одним движением руки я смахнула на пол тетради, учебники по грамматике и словари. Они упали с глухим стуком, символизируя конец теории и начало абсолютной, чистой практики.

Я села на край стола, разводя бедра, и потянула Максима на себя. Он оказался между моих ног. Тепло его тела согрело мою кожу.

— Расстегни, — велела я, глядя на пряжку его джинсов.

Ему не нужно было повторять дважды. Через мгновение тяжелая ткань полетела вслед за учебниками. Он предстал передо мной во всей своей мужской гордости — напряженный, твердый, пульсирующий желанием.

Я провела ладонями по его бедрам, притягивая его ближе. Мои пальцы коснулись его плоти, и Максим запрокинул голову, издав глухой, рваный стон.

— *Doucement, mon beau*, — прошептала я, лаская его медленно, мучительно нежно, изучая каждый дюйм. Тихо, мой красивый.

Я наклонилась и прижалась губами к его животу, прокладывая дорожку из влажных поцелуев вниз. Его мышцы дер-

гались под моими губами. Когда я взяла его в рот, он вцепился пальцами в край стола. Я играла с ним, чередуя нежный шелк языка с легким, дразнящим касанием зубов, доводя его до грани, где удовольствие почти переходит в боль, и тут же отступая назад. Я чувствовала его вкус — терпкий, соленый, молодой.

Он не выдержал первым.

— Пожалуйста... — его голос сорвался, пальцы зарылись в мои волосы, заставляя меня поднять голову. — Я больше не могу терпеть.

Я улыбнулась, глядя на него снизу вверх. Мои губы влажно блестели.

— Тогда возьми то, что хочешь.

Он подхватил меня под бедра и придвинул на самый край стола. Я откинулась назад, опираясь на локти, позволяя ему видеть меня полностью, открывая себя его голодному взгляду.

Максим вошел в меня. Неуверенно в первое мгновение, словно боясь разрушить хрупкую магию момента, но, почувствовав мою горячую, пульсирующую влагу, подавшауюся ему навстречу, он утратил остатки контроля.

Это было потрясающе. Ощущение его полноты внутри меня, тугое, обжигающее трение заставило меня выгнуть спину дугой. Я вскрикнула, запрокидывая голову. В этот крик вылилось всё напряжение долгих недель, когда я смотрела на него через стол, скрывая свои фантазии за строгим фасадом

преподавателя.

Он начал двигаться. Сначала его ритм был сбивчивым, рваным, продиктованным чистым инстинктом и нетерпением юности. Но я обхватила его торс ногами, скрестив лодыжки у него на поясице, и своими бедрами стала задавать нужный темп.

— Медленнее, — выдохнула я, впиваясь ногтями в его спину. — Чувствуй меня. *Sens-moi*.

Он послушался. Его движения стали глубокими, тягучими, как расплавленный мед. Каждое его погружение отдавалось дрожью в самом центре моего естества. Дуб стола скрипел под тяжестью наших тел. Моя кожа покрылась испариной, воздух в комнате сгустился, наполнившись тяжелым, мускусным ароматом секса, дорогих духов и пота.

Я смотрела в его лицо. Оно преобразилось: губы приоткрыты, на лбу выступили капельки пота, глаза потемнели до состояния бездны. В нем проснулся первобытный самец, древний и прекрасный, для которого не существовало ни Москвы за окном, ни правил приличия. Только инстинкт, только желание проникнуть глубже, стать единым целым.

Мои руки блуждали по его телу. Я гладила его напряженные плечи, зарывалась пальцами в густые, влажные волосы на затылке, притягивала его лицо к себе для долгих, глубоких поцелуев, в которых мы пили дыхание друг друга. Наши тела говорили на языке, который был древнее французского,

языке, где глаголы заменялись толчками, а запятые — сбитым дыханием.

Скорость росла. Максим уже не мог сдерживаться. Его толчки стали резкими, сильными, властными. Он вбивался в меня с такой страстью, словно хотел оставить свой отпечаток на моей душе. Меня охватило безумие. Я царапала его спину, кусала его плечи, шепча на французском непристойности и слова восхищения, которые смешивались с моими стонами.

Ощущение надвигающегося финала начало собираться внизу живота тугим, раскаленным шаром. Удовольствие нарастало волнами, каждая из которых была выше предыдущей.

— Максим... — простила я, чувствуя, как мое тело начинает предательски дрожать. — Сейчас...

Он зарычал — глубоким, гортанным звуком, который заставил волосы на моих руках встать дыбом. Он прижал меня к столу своим весом, его движения стали неистовыми, быстрыми.

Шар внутри меня взорвался тысячью ослепительных искр. Мое тело свело мощной, продолжительной судорогой оргазма. Я кричала, не сдерживаясь, чувствуя, как мое нутро пульсирует, сжимая его плоть. Мой экстаз стал для него последней каплей. С громким, хриплым стоном Максим сделал последний, самый глубокий толчок и замер, содрогаясь в моих объятиях. Я чувствовала горячие, пульсирующие струи,

изливающиеся в меня, наполняющие меня до краев.

Мы замерли, тяжело дыша, сцепленные вместе, словно потерпевшие кораблекрушение, ухватившиеся друг за друга в бушующем океане. Комната медленно возвращалась в фокус. Тишина нарушалась лишь стуком наших сердец, бьющихся в едином бешеном ритме.

Максим обессиленно уронил голову мне на грудь. Его влажные волосы щекотали мою ключицу. Я мягко, с нежностью, которая удивила меня саму, гладила его по спине, успокаивая его дрожь.

За окном сгустились сумерки. Москва зажгла свои огни, безразличная к тому, что в одной из квартир на Патриарших только что рухнули все барьеры.

Максим медленно поднял голову. На его лице больше не было той мальчишеской дерзости. Там было что-то глубокое, осознанное, пронзительно нежное. Он провел пальцем по моей щеке, стирая случайную слезинку, выступившую от силы оргазма.

— Как это будет по-французски? — тихо спросил он, его голос все еще дрожал.

Я улыбнулась, притягивая его лицо к себе для мягкого, долгого поцелуя, в котором была вся сладость послевкусия.

— *C'est la perfection*, — прошептала я ему в губы. — Это совершенство. И завтра, мой мальчик, мы повторим этот урок.

Ночь опустилась на Москву, укутав город в сияющий нео-

ном бархат, но в этой комнате, где воздух был густым от запаха секса и мускуса, время остановило свой бег.

Я медленно отстранилась от Максима. Разъединение наших тел сопровождалось тихим, влажным звуком, в котором было столько же сожаления, сколько и обещания. Мальчик издал тихий вздох, словно лишившись какой-то жизненно важной опоры. Его глаза, еще затуманенные недавним экстазом, следили за каждым моим движением, пока я соскальзывала с дубового стола.

Мои босые ноги коснулись прохладного паркета. Я не стала поднимать свое шелковое платье. В философии истинного эротизма нагота — это не уязвимость, а высшая форма власти. Я подошла к панорамному окну. Огни Патриарших прудов отражались на моей влажной коже. Я знала, что он смотрит на меня: на изгиб моей спины, на округлость бедер, на тяжелые пряди волос, разметавшиеся по плечам. Я давала ему время осознать, что именно он сейчас обрел, и что он навсегда потерял свою прежнюю, скучную реальность.

— Идем, — позвала я, не оборачиваясь. Мой голос звучал мягко, но в нем слышались стальные нотки абсолютного контроля.

Я услышала шорох — он послушно поднялся. Когда он подошел ко мне со спины, его тепло окутало меня еще до того, как он коснулся моей кожи. Его руки, теперь более уверенные, но все еще полные благоговения, легли на мою талию. Он прижался губами к моему плечу.

— Вы... ты... — он запнулся, пытаюсь подобрать слова, способные вместить ту бурю, что бушевала в его юной крови.

— Shut, — я приложила палец к его губам, оборачиваясь.
— Слова сейчас излишни. Эрос не терпит суеты. Запомни это, Максим. Животная страсть прекрасна для начала, она сжигает мосты. Но истинное наслаждение — это искусство медлительности. Это то, чему тебе еще предстоит научиться.

Я взяла его за руку и повела прочь из кабинета. Квартира была огромной, выдержанной в холодном, мужском минимализме. Мы вошли в ванную комнату, напоминавшую античные термы: черный мрамор, приглушенный теплый свет и огромное зеркало, в котором отразились наши фигуры. Контраст был разительным: моя бледная, женственная мягкость и его смуглая, хищная, мускулистая угловатость.

Я включила воду. Душевая кабина была размером с небольшую комнату. Густой пар начал медленно заполнять пространство, оседая на зеркалах.

Шагнув под тугие, горячие струи, я потянула Максима за собой. Вода обрушилась на нас, смывая пот, смывая остатки робости. Это было похоже на ритуальное омовение перед новым таинством. Я взяла кусок дорогого мыла с ароматом сандала и бергамота. Вспенив его в ладонях, я начала неторопливо намыливать его тело.

Я видела, как он затаил дыхание. Мои руки скользили по его широким плечам, спускались по напряженной груди, очерчивали кубики пресса. Я изучала его, как скульптор изу-

чает идеальный кусок мрамора. Вода делала его кожу скользкой, блестящей. Мои пальцы спускались все ниже, скользя по внутренней стороне его бедер.

Даже сейчас, едва оправившись от мощнейшего оргазма, его юное тело отзывалось на мои прикосновения с пугающей скоростью. Его плоть снова начала наливаться кровью, тяжелеть, поднимаясь навстречу моим рукам.

— Потрясающая способность к восстановлению, — с легкой, дразнящей улыбкой промурлыкала я, обхватывая его напряженный ствол намыленной рукой. Одно медленное, скользящее движение вверх и вниз заставило его запрокинуть голову под струи воды.

Но я не стала продолжать. Я вложила мыло в его руки.

— Теперь ты.

Максим сглотнул. Его движения были осторожными. Он намылил руки и прикоснулся к моей шее. Я закрыла глаза, позволяя себе раствориться в ощущениях. Его ладони, скользкие от пены, очертили мою грудь. Большие пальцы задели затвердевшие соски, и по моему телу пробежала электрическая дрожь. Он был внимательным учеником. Он понял, что сейчас не нужно спешить. Его руки спустились к моему животу, затем к бедрам. Когда его пальцы скользнули между моих ног, смывая наши смешавшиеся соки, я тихо застонала.

Мы вышли из душа, и он завернул меня в огромное, пушистое полотенце, промокая мою кожу с нежностью, кото-

рой я от него не ожидала.

Его спальня была погружена в полумрак. Огромная кровать с темно-серым шелковым бельем казалась алтарем, ожидающим жертвоприношения. Я сбросила полотенце и легла на спину, раскинув руки, чувствуя прохладу шелка кожей.

Максим остался стоять у края кровати. Он смотрел на меня так, словно видел впервые. Взглядом он ласкал каждый изгиб, каждую впадинку моего тела.

— Иди ко мне, — позвала я.

Он забрался на кровать, двигаясь с грацией крупного кошачьего. Нависнув надо мной, он хотел снова приникнуть к моим губам, но я мягко уперлась ладонями в его грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.